

Дей Кин

Пайола

Дей Кин

Пайола

1960

Кин Д.

Пайола / Д. Кин — 1960

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дей Кин Пайола

Глава 1

День этот, закончившийся двумя убийствами, начался, как и всякий другой. Утро было даже приятнее, чем обычно. С Тихого океана дул свежий бриз. Ветер задирает девичьи подолы, приоткрывая такую красоту, какую далеко не каждый день увидишь. Словом, утро было приятное.

Когда я пришел в бюро, Бетти, моя миленькая секретарша, уже сидела за своим письменным столом. Корреспонденция – в основном счета – лежала вскрытой на моем столе. Казалось, день будет ничем не примечательным.

Неприятности не заставили себя ждать вскоре после девяти утра вместе со звонком из финансового агентства. Чиновник, видимо, из тех, кому не спится, – этакая трудолюбивая рабочая пчелка – был, правда, корректен и вежлив, и тон был вполне дружелюбным, но то, что он сказал, в один миг испортило мне настроение. Он энергично напомнил мне, что налог с моих доходов я уплатил только до января, и заявил, что будет вынужден принять административные меры, если я немедленно не погашу задолженности.

Я горячо заверил его, что сегодня же вышлю чек, и бросил трубку.

В раздражении я уставился в маленькое зеркальце перед моим носом. Ростом я шесть с лишним футов и вешу двести фунтов. Кто меня увидит, сразу понимает, что я родился на Гавайях. Но то, что я являюсь частным детективом, этого, разумеется, по виду не определишь. У меня большая и представительная контора, и может сложиться впечатление, что нет причин жаловаться на недостаток работы. Но на сегодняшний день у меня не было ни одного клиента, и мой счет в банке уже успел покрыться ржавчиной. Значит, надо было браться за любую работу. Поэтому-то я и ввязался в грязное дело Мулдена.

Пока я еще сердито поглядывал на телефон, Бетти просунула в дверь голову. Судя по ее лицу, она слышала мой разговор. Но, казалось, она вовсе не была озабочена. Понятное дело – не она ведь пойдет в тюрьму, если я не смогу заплатить, все неприятности падут на мою шею.

– С вами желает поговорить одна дама, – сказала она. – Вы ее сразу примете, мистер Алоха?

Я успел спросить, богато ли она выглядит. За деньги я бы принял сейчас даже бабушку самого дьявола. Но в этот момент дама вошла сама.

Это была одна из тех женщин, которые увиваются около искусства. Может быть, вы даже слышали о ней или видели ее представление. Она говорит, что ее зовут Ивонна Сен-Жан. Насколько мне известно, когда-то она даже выступала в "Фоли Бержер", а потом осела в Лас-Вегасе, где зарабатывала себе на жизнь тем, что показывала американскому народу, как, собственно, выглядит в натуральном виде женское тело. Потом у нее вышли какие-то неувязки с договорами, и она была вынуждена, как говорится, сесть на свою хорошенькую попку и даже не могла накинуть на себя мех. К счастью для Ивонны, ее женские прелести пленили стареющего, но еще увлекающегося женщинами Тода Хаммера, шефа фирмы грампластинок "Стартайм".

Эта пикантная история рассказывалась в барах и Экспрессо приблизительно так: Тод сказал ей, что, если она захочет, он сделает из нее "звезду" грамзаписей. Она захотела, и он попытался это сделать. Но какими бы талантами она ни обладала, чем-то выдающимся их назвать было нельзя. Несколько долгоиграющих пластинок, которые она записала, были, образно говоря, закиданы тухлыми яйцами. Тод к тому времени привык к ее личику и за

известные личные услуги продолжал оплачивать ее счета и золотую клетку. В свободное время она не брезговала выступать в различных стриптиз-шоу во всех заведениях города.

Представления ее действительно были хороши. А самое главное – ей было что показать. Люди предпочитали ее бочонку сладкого, как мед, пальмового вина, поскольку она представляла собой ровно сто пять фунтов чистого меда. От такого дивного телосложения мужчины просто с ума сходили.

Она прошла мимо Бетти и наполнила бюро ароматом духов, которые наверняка стоили пятьдесят долларов.

– Большое спасибо! – проворковала она Бетти, украсила подлокотник кресла, стоящего у моего стола, своим белым мехом, уселась и, забросив нога на ногу, привела всю мою кровеносную систему в сильное волнение.

– Я – Ивонна Сен-Жан, – возвестила она. – А вы, значит, Джонни Алоха, шеф детективной конторы?

Я хотел было ответить шуткой на ее прозвучавший как обвинение вопрос, но мой язык словно прилип к гортани. Первый раз я видел ее в такой непосредственной близости.

Когда я наконец обрел способность говорить, то спросил:

– Чем я могу вам помочь, мисс Сен-Жан?

Она сказала без обиняков:

– Докажите, что это был не Томми, и вызволите его оттуда, где он сейчас находится.

Она немного неправильно выговаривала слова, но мне ее манера говорить понравилась. Ее акцент был таким же восхитительным, как и все в ней.

Порученное дело меня не особо заинтересовало. Так как я знал о ее связи с Тодом Хаммером, то единственный Томми, которого она могла иметь в виду, мог быть известный Томас Мулден, бродяга, музыкант по случаю, который в своих кругах больше известен под кличкой Томми-Тигр.

Против мистера Мулдена штат Калифорния выдвинул в Верховном суде Лос-Анджелеса серьезное обвинение. Этот суд, возглавляемый почтенным старшим судьей Харрисом, признал его виновным в убийстве. Поэтому он теперь находился в окружной тюрьме Лос-Анджелеса и ждал перевода в камеру смертников в Сан-Квентине.

Ивонна продолжала щебетать:

– Я с удовольствием заплачу за это дело. Пять тысяч долларов. Из них две тысячи сегодня утром.

Такие слова прились мне по душе. Однако, насколько я был наслышан, Хаммер являлся работодателем Мулдена. И оба они основательно замешаны в "Пайоле".

"Пайола!" Опасное явление! Деньги для подкупа, деньги за молчание! Иногда все это носило и безобидный характер, но в большинстве случаев можно было столкнуться с коррупцией, шантажом, неприкрытым террором. Да, да, все это скрывалось под безобидным словом "Пайола".

Дело это дурно пахло, и все же я должен был подумать. Если принять во внимание, что эта сидящая передо мной прелестная женщина спала с Тодом Хаммером под одним одеялом, то она, видимо, тоже была связана с этим бизнесом.

Я осторожно спросил ее, говорит ли она от себя лично, или же от имени Тода Хаммера. Она разыграла удивление.

– Конечно, от себя. Посетить вас было только моей идеей.

Я задумался, С одной стороны, две тысячи долларов решат мою проблему с налоговым агентством, а с другой, я был недостаточно хорошо знаком с ситуацией. Данные, полученные полицией относительно "Пайолы", вскрыли довольно интересные факты. Так, например, стало известно, что целый ряд мелких фирм по производству грампластинок находились либо во владении, либо под контролем людей, которых можно было назвать настоящими гангстерами,

Против всех, кто пытался оказать банде сопротивление, применялась грубая сила. Если я возьмусь за это поручение, то даже не буду знать, работаю ли на них или против них.

Но зато Ивонна была прекрасна. А у меня не было денег. Человек из налогового агентства говорил очень решительно. Я бы с удовольствием заплатил эти налоги, если бы мог.

Ивонна сделала свое предложение еще слаще, приподняв повыше свою юбку и вытащив из-под нейлона четыре приятного вида ассигнации, что заставило мое сердце учащенно забиться, и положила их на мой письменный стол.

– Прошу, мистер Алоха, – сказала она с очаровательной улыбкой. Я взглянул на деньги, все еще ведя с собой внутреннюю борьбу. Так как Томас Мулден был признан судом виновным и приговорен к смертной казни, то на этом свете уже никто не мог бы ему помочь. Поэтому я придвинул деньги обратно.

– Я был бы очень рад помочь вам, мисс Сен-Жан, но при таких обстоятельствах я не могу взяться за дело.

Какое-то мгновение я надеялся, что она спрячет деньги туда, откуда их взяла, но вместо этого она перепорхнула с кресла на стул рядом со мной. В ее черных глазах сверкали молнии, а в голосе звучало возмущение:

– Но ведь Томми не виноват! Он не убивал девушку, как они все говорят!

Я поднялся и заявил, что судья и присяжные, к сожалению, пришли к другому выводу.

Она еще больше разозлилась.

– О! Лучше не говорите мне об этом! Что могут знать об этом судьи и присяжные! – Она прижала к груди свою маленькую ручку. – Я, Ивонна Сен-Жан, знаю лучше. Его просто... э... как это у вас говорят?

Она не могла найти слово. Я ей помог.

– Его заманили в ловушку?

Она просияла.

– Мерси! Именно это я хотела сказать.

– Кто же это сделал?

Она покачала головой.

– Этого я не знаю.

– Откуда же вы в таком случае знаете, что его заманили в ловушку? Она ответила классически простодушно:

– Потому что он мне это сказал. – И прежде чем я успел что-либо произнести, продолжала: – Прошу вас, мистер Алоха. Ведь вы по крайней мере можете поговорить с ним.

Против этого возразить было нечего. А две тысячи долларов были большими деньгами. К тому же могло случиться и так, что, если я поговорю с этим парнем и сделаю вид, будто пытаюсь для него что-то сделать, она вздумает отблагодарить меня и еще каким-нибудь, более личным способом.

– Ну хорошо, я поговорю с Мулденом, – пообещал я. – Но поймите меня правильно. Если я увижу, что ничем не смогу ему помочь, я верну вам деньги, за исключением издержек, которые буду иметь в этом деле.

Она рассыпалась в благодарностях, несколько раз сказала "мерси" и добавила еще какие-то французские слова. Она даже прижалась ко мне, взяла мое лицо обеими руками и поцеловала.

– Большое спасибо, мистер Алоха.

Тело ее было необыкновенно приятным. Я подумал, что если мы уж так тесно стояли, то она могла бы назвать меня и Джонни. Чтобы удержаться от глупостей, я придвинул к себе поближе блокнот.

– А где я смогу вас найти?

– Наберите номер: Голливуд-2-01-55, – прошептала она прямо мне в рот. – И позвоните сразу же, как только переговорите с Томми. Я буду ждать у телефона. – Потом она еще раз поцеловала меня и исчезла.

Я слышал, как закрылась наружная дверь. Секундой позже вошла Бетти и, достав бумажную салфетку, вытерла с моих губ губную помаду. Как всегда после ухода дам-посетительниц, она была цинична.

– Ах, бедный Ромео! Я знала его. Не так ли?

Я ответил ей в том же духе, что череп был узан Гамлетом, а не Офелией. И что принадлежал он человеку по имени Йорик. После обмена колкостями, опасаясь, что я вместо Дворца юстиции ужоу в больницу, я отдал ей на хранение четыре бумажки по 500 долларов каждая.

– Все это принадлежит нам? – радостно спросила Бетти.

Она была так счастлива, что я не решился полностью лишить ее надежды.

– Пока еще нет. Это, так сказать, аванс за несделанную работу. До того как они станут нашими, я должен поговорить с Томми-Тигром и выяснить, нет ли какой-либо возможности помешать его свиданию со святым Петром.

Я предвидел, что она огорчится.

– Вы имеете в виду этого третьеразрядного музыкантишку, который убил своим тромбоном женщину-репортера?

– Именно его.

– А если вы увидите, что шансов никаких нет?

– Тогда я должен возратить ей деньги.

– Ей?

– Да, ей.

Она бросила бумажную салфетку в корзину.

– Как же, знаю! Лично! – Она была рассержена почти так же, как и Ивонна. – Да, тогда у вас появится возможность поутешать эту маленькую тварь. И почему только она пришла с этим поручением именно к вам?

Вот это был вопрос! Это был тот самый вопрос, который я забыл задать Ивонне.

Бетти взяла свежую салфетку.

– И почему только я не могу прижать свои красивые губы к вашим? И почему только меня никогда так не утешают? Кто я? Недоступное божество? Или уродка?

Я поцеловал ее в кончик носа.

– Нет! Вы очень милая девочка! Милая и желанная! Но я, как человек с железными принципами, думаю, что по крайней мере в единственном экземпляре это должно сохраняться в городе Голливуде.

– Что сохраняться? – недоверчиво спросила она.

– Слово начинается на букву "Д". Может быть, вы догадаетесь за время моего отсутствия.

* * *

Вместо того чтобы воспользоваться улицей, где разрешены большие скорости, я полз от светофора к светофору по бульвару Сансет вплоть до Фигуроа-стрит, а потом свернул налево на Первую улицу, в сторону административного центра. Моя поездка, правда, растянулась, но зато движение тут было малоинтенсивным, а хотелось восстановить в памяти все, что я знал о деле Мулдена, а уж потом просить в отделе по расследованию убийств разрешение на свидание с Томми-Тигром.

Это было скверное дело, с какой бы стороны на него ни смотреть.

Убийство произошло в одной из жалких комнатух дешеревого отеля. Неподалеку от того сарая, где Мулден якобы добывал себе средства для пропитания, декламируя свои стишки в

паузах между шумом, который они называли музыкой. Штат выдвинул против него обвинение и доказал, что упомянутый Томми-Тигр, уговорив девушку по имени Мэй Арчер пройти с ним в его комнату, проломил ей там голову своим тромбоном, после того как она отказалась уступить его желаниям.

Правда, ее отказ мало чему помог. Эксперт-патолог писал в своем отчете, что она перед смертью была изнасилована.

Мулден защищался просто. Он признал, что находился в комнате, что оружие убийства принадлежит ему. Но он так же утверждал, что девушка эта была постоянным посетителем заведения, в котором он работал, и, находясь в нетрезвом состоянии, пошла с ним по доброй воле. И сама отдалась ему.

Будто бы она потом выразила желание выпить еще чего-нибудь. Тогда он оделся и пошел за бутылкой. Возвратясь в комнату минут через пятнадцать, он, к своему ужасу, увидел, что она лежит поперек кровати совершенно голая и мертвая.

Защита настаивала на том, что кто-то из мужчин, находившихся в это время в отеле, заметил, что Томми-Тигр ушел, и, воспользовавшись этим, проник в комнату, где и совершил преступление, в каком обвинили Томми-Тигра.

Если принять во внимание репутацию отеля, то защита выбрала правильную линию. Отель был настоящим притоном, в котором нашли убежище главным образом бывшие заключенные, неудавшиеся артисты и торговцы наркотиками. Кроме того, высокооплачиваемая команда адвокатов, защищавшая Мулдена, выставила на скамью для свидетелей с десятков коротковолосых девочек и бородатых парней, которые показали, что девушка эта часто посещала заведение и пошла с Мулденом совершенно добровольно. И будто бы она и игрок на тромбоне были в давней связи.

Какое-то время казалось, что суд оправдает Мулдена. К несчастью для защиты, у обвинения была заготовлена коварная бомба. И не одна, а целых три. Оказывается, Мэй Арчер лишь разыгрывала из себя женщину легкого поведения. На самом деле она была счастливой матерью двух детей, имела супруга и жила с ним в Эль Монте. Она была репортером по профессии, и газета "Голливуд Миррор" поручила ей раскрыть предполагаемое участие Мулдена во взяточничестве, которое вызвало в обществе скандал. За два часа до смерти она позвонила редактору и сообщила ему, что она уже находится на пороге сенсации, которая должна быть помещена на первой полосе. На суд неприятно подействовало обстоятельство, приведенное обвинением, что работа Мулдена в "Голден Четон" являлась лишь прикрытием. Будучи платным служащим фирмы грампластинок "Стартайм", он должен был энергично следить за тем, чтобы тайны фирмы неукоснительно соблюдались. В случае необходимости ему даже разрешалось применять силу.

Сидя за рулем "мерседеса", за который я еще не все выплатил, я, припомнив обстоятельства дела, должен был поневоле согласиться с судом. Мулден наверняка был грешен. Кроме того, все знали, что он отличался злобным темпераментом. Он так отделял людей, что врачи с трудом их снова сшивали.

Выходило, что, узнав в молодой женщине репортера, он хитростью заманил ее в свою комнату и, боясь разоблачений, в садистской ярости изнасиловал ее и забил до смерти, чтобы она не смогла говорить. А может быть, запугивая ее ударами, просто перестарался.

Вот так обстояло дело. Я наверняка зря тратил бензин, надеясь получить эти сомнительные две тысячи долларов. Но как бы там ни было, я обещал французской куколке переговорить с Томми-Тигром.

Я остановил машину перед полицейским управлением и поднялся на лифте в кабинет капитана Хэнсона. Тот приветствовал меня на свой лад и грубовато поинтересовался, как идут дела у знаменитого охотника за женскими юбками.

Я ответил ему, что, после того как по телевизионной рекламе приобрел новое средство для смазывания волос, мне уже нет необходимости бегать за женщинами. Теперь они сами бегают за мной.

Да, он был в чудесном настроении и сразу же спросил меня с ухмылкой:

– Так что я могу сделать для тебя, Джонни?

Я сказал, что хотел бы получить разрешение на свидание с Томми-Тигром.

Ухмылка сразу исчезла с его лица. Хэнсон недружелюбно посмотрел на меня.

– Зачем? – спросил он сухо.

Я объяснил ему, что одна клиентка поручила мне выяснить, не ошибся ли суд штата Калифорния в своем приговоре. И что та же клиентка просила меня вытащить Мулдена из камеры смертников, где он сейчас сидит.

Хэнсона даже не рассмешили мои слова.

– Тебе это не удастся, – жестко отрезал он. – Это не удастся сделать и двум саперным ротам. Ты лучше выкладывай, кто это мутит воду?

Я мог выбрать одно из двух: либо послать его к черту, либо сказать ему правду. И второе, видимо, было наиболее разумным. Если частный детектив не поддерживает хороших отношений с полицейскими, то ему лучше всего повесить свою куртку на крючок и подать прошение о выдаче пособия по безработице. Поэтому я решил рассказать ему правду.

– Что касается самого дела, то тут я полностью разделяю твое мнение. Но сегодня утром ко мне в контору примчалась Ивонна Сен-Жан и предложила мне пять тысяч. Две из них – как аванс. И теперь я просто должен поговорить с парнем. Она уверена, что он не убивал этой женщины.

– Откуда она об этом знает? – хитро поинтересовался Хэнсон.

Я честно ответил:

– Она говорит, что он сам ей об этом сказал.

К Хэнсону вернулось его хорошее настроение.

– О, я больше не могу! И как это тебе удастся, Джонни! Значит, на этот раз у тебя будет Ивонна Сен-Жан?

– Точно!

Он ухмыльнулся.

– Что ж, в таком случае, ты непременно должен поговорить с Мулденом. Полицейское управление Лос-Анджелеса вовсе не собирается лишать своих друзей радостей жизни. Кстати, ты можешь мне сказать...

– Что сказать?

– Каким кремом ты теперь пользуешься для волос?

Он снова был мил и дружелюбен. Но я-то знал Хэнсона. И знал, что скрывается за его щедростью. Вся полиция так точила зуб на Тода Хаммера, что перестала даже спать по ночам. Хэнсон наверняка рассчитывал на то, что Мулден в попытке спасти свою загубленную жизнь выдаст мне такую информацию, которую полиция сможет использовать против Тода Хаммера.

Глава 2

Тюремные камеры всегда подавляюще действуют на мою нервную систему. Желая сделать любезность Хэнсону, главный надзиратель дал мне свидание с Мулденом в маленькой комнатке без окна, в которой обычно заключенный встречается со своим адвокатом.

Мне приходилось уже видеть Мулдена в различных питейных заведениях. Я даже как-то выбрался в "Голден Четон", чтобы поразить даму из общества Беверли-Хиллз, которой обязательно хотелось знать, в каких условиях живет "падшая" часть человечества, и что, собственно, следует понимать под экзистенциализмом. Мулден был одного роста со мной, но, видимо, весил на все 220 фунтов больше.

Настоящий тигр с самодовольной усмешкой хищного зверя, скрывающейся за густой рыжей бородой. Человек, который умел хорошо говорить и немного разбирался в музыке. В то время Томми-Тигр не произвел на меня никакого впечатления, но зато куколку из Беверли-Хиллз, с которой я тогда был, он привел в дикий восторг.

Если бы он сейчас просто попался мне на улице, то я вряд ли его узнал. Администрация тюрьмы вынудила его сбрить бороду. А за те месяцы, которые он ожидал процесса, он сбросил фунтов пятьдесят. И теперь казалось, что у него слишком много кожи для его костей. Тюремная одежда висела на нем как на вешалке и развевалась при каждом его шаге, когда он шел по коридору. Точнее, не шел, а ковылял.

– Вы кто? – спросил он меня.

Я представился и объяснил ему, что Ивонна Сен-Жан поручила мне поговорить с ним – прежде чем его переведут в Сен-Квентин.

– О чем поговорить? – безразличным тоном спросил он.

Я ответил, что Ивонна все еще уверена, что он невиновен, и наняла меня, чтобы я доказал это.

На какое-то мгновение на его лице скользнуло нечто вроде улыбки.

– Ивонна – добрая девушка, – сказал он мне доверительным тоном. – Я должен был обращаться с ней помягче, а не так, как я делал. Странно, но когда человек попадает в чертовски трудное положение, как, например, я сейчас, то в голову лезут одни ошибки.

Я не мешал ему говорить, только положил пачку сигарет на столик, который разделял нас. Он сунул в рот сигарету и спросил меня:

– Вы знаете, что такое экзистенциализм, мистер Алоха?

Я процитировал словарь Уэбстера:

– Литературная философия нигилизма и пессимизма. Стала популярной во Франции после второй мировой войны. Главным образом благодаря Жану Полю Сартру.

– Правильно, – кивнул он и дополнил мое определение: – При этом предполагается, что каждый человек, как индивидуум, существует в бесцельной вселенной и должен проявлять себя во враждебном ему мире посредством выражения своей свободной воли. Другими словами, он может делать все, что ему заблагорассудится, быть последней скотиной, не считаясь с окружающими, с законами... Вот так и я прожил свою жизнь, мистер Алоха. И все же, несмотря на решение суда, я говорю вам: я не убивал Мэй Арчер. – Внезапно он улыбнулся. – Странно даже... что вас послала ко мне Ивонна...

Я спросил его, что же в этом странного.

Он сказал:

– Если судить по вашему имени, то вы родом с Гавайских островов?

– Вы угадали. Моей матерью была девочка с внешних островов, а отцом – солдат из бараков Шефилда. Но это слишком долгая история, и я бы не хотел ее касаться. Мне не за это заплатили, я, наоборот, хочу выслушать вашу историю.

Но казалось, он даже не слышал меня. Он смаковал на языке слово, как смакуют хорошее вино, перекачивая его во рту туда-сюда:

– Гавайи! Именно туда мы собирались поехать и забыть об этом гнусном свинстве! Гавайи! Только она и я, и бесконечные моря белого песка, и тысячи пальм, лениво помахивающих своими опахалами в лунном свете. Да, Гавайи! Они вправду так прекрасны, как о них говорят?

– Да, там действительно прекрасно, – подтвердил я.

Он взял из пачки на столе новую сигарету и прикурил ее от остатка старой.

– Да, вот мы и хотели поехать туда. На Гавайи! И не в будущем году... И не в следующем месяце. И не через неделю. А просто на следующее утро. А потом я вышел, чтобы принести спиртное. А когда я вернулся, она уже лежала без признаков жизни...

Я уточнил, о ком он говорит: о Мэй Арчер или же об Ивонне?

Он удивленно взглянул на меня.

– Конечно, о Мэй! О ком же другом?

– Но вы утверждаете, будто не знаете, что она работает репортером?

Он криво усмехнулся.

– Вы это нашли в протоколах? Я даже не знал, что она замужем и что у нее есть дети. Но даже если бы я об этом узнал, это все равно не имело бы никакого значения. Мы во всем понимали друг друга. И я знал только одно: что я никогда не встречал такой женщины. Никогда в жизни! На другой день, утром, я хотел сказать в "Голден Четон" и Тоду Хаммеру, что они могут взять на мое место другого. А что касается меня, то я уезжаю на Гавайи.

Я спросил его, не надеется ли он всерьез, что я во все это поверю?

Он на мгновение задумался, а потом ответил:

– Нет, не надеюсь. Мои адвокаты тоже в это не поверили. Прокурор – тем более. Судья – тоже. И присяжные – тоже. Так почему же вы должны отнестись к моим словам иначе? Почему вы должны мне поверить?

Я спросил:

– Если вы ее не убивали, то кто, по-вашему мнению, мог это сделать?

Он ответил довольно открыто:

– Кто-нибудь из парней – а может, даже несколько – из банды противников Тода Хаммера. Ее называют Пайола-банда. Они знали, что я работаю на него, и понимали, что если разразится крупный скандал, то это свернет Хаммеру шею. Тогда они бесплатно смогут заняться его бизнесом.

Это было вполне разумное объяснение.

Мулден загасил сигарету.

– Да, я думаю, что именно так все и произошло. Но доказать это довольно трудно. И если вы так же умны, как выглядите, то советую вам отдать деньги обратно Ивонне. При этом поблагодарите ее от меня, пожалуйста, – так же и за все прежнее. Она поймет, что я имею в виду. А потом просто забудьте обо мне, пока однажды утром не прочтете в газете, что я уже никогда больше не выражу свою свободную волю к враждебному мне миру, потому что мне придется слишком много вдохнуть синильного газа.

Наше время еще не кончилось, но он неожиданно встал и, постучав в дверь, вызвал надзирателя.

– Вы меня извините, но я, пожалуй, пойду в свою камеру, чтобы окончательно решить, существует ли на самом деле потусторонний мир. И если он действительно существует, то, возможно, для меня там найдется еще свободное место. Как говорится в "книге книг": в отчете доме много свободных помещений.

Я проводил его взглядом, пока он шел по коридору. Теперь он не был похож на готового к прыжку тигра. Плечи опустились, походка отяжелела. Я поднялся на лифте к выходу и не зашел в кабинет Хэнсона, хотя и обещал ему.

Если Мулден солгал мне, что мною не исключалось, то он был первоклассным лжецом. С другой стороны, как-то один психолог говорил мне, что многие преступники перед лицом газовой камеры начинают убеждать самих себя в том, что никогда не совершали того, в чем их обвинили. И так упорно вбивают себе в голову свою невиновность, что вскоре искренне верят, что это сделал кто-то другой.

История Мулдена не была исключительной. Необычное касалось, главным образом, счастливой в браке женщины, которая собиралась бросить своего мужа и любимых детей и сбежать в тропический рай. И ни с кем иным, как с жалким музыкантом, который только и мог ей предложить модную джазовую музыку и мужские достоинства. Разумеется, в данных о банде Пайола могли быть и достоверные факты. Я терял время. А Ивонна предлагала мне 5000 долларов. Я сел в машину и поудобнее устроился за рулем. Потом повернул ключ зажигания. На мгновение я подумал, что нахожусь снова в Корее. И тяжелая артиллерия точно била по моей машине. Взрыва я не почувствовал, скорее услышал. А потом машина взлетела на воздух. Вместе со мной.

Глава 3

Возможно, вы видели эту фотографию. Незадолго до каникул ее поместили во многих газетах как предостережение водителям, любящим выпить. На ней изображен парень, лежащий на операционном столе. Он с надеждой смотрит в озабоченные лица хирургов. Надпись над фотографией гласила: "Алкоголь несет смерть!"

Нечто похожее случилось и со мной. Только я не был пьян. И как выяснилось, мой час умирать еще не пришел. Я лежал даже не на операционном столе, а просто на кровати станции Красного Креста в здании полиции. И лица, которые смотрели на меня, отнюдь не были озабоченными.

– Как это случилось? – спросила пожилая женщина-полицейский.

Хэнсон ответил:

– Более дикой вещи я еще не переживал. Я догадался, что Алоха не зайдет ко мне на обратном пути. Поэтому ждал его внизу в холле. Когда он вышел из лифта, я вслед за ним прошел на площадку для машин. И как раз в тот момент, когда я хотел его окликнуть, эта проклятая штуковина взлетела в воздух.

Блондинка поинтересовалась и у полицейского врача, тяжело ли я ранен, и с облегчением услышала:

– С ним практически ничего не случилось. Переломов нет, внутренних повреждений, судя по всему, тоже нет. Насколько я знаю мистера Алоха, он принадлежит к тем счастливицам, чьи ангелы-хранители никогда не спят.

Я с интересом наблюдал, как в комнату вошла сестра в накрахмаленном белом халате. В руке она держала шприц для инъекций с какой-то жидкостью.

– Тут уже все хорошо, мисс Хастингс. – Полицейский врач небрежно махнул рукой. – Нам это больше не нужно. Мистер Алоха уже приходит в себя.

Чтобы показать, что он прав, я не только заморгал глазами, но и полностью их открыл. Потом попытался подняться.

Хэнсон помог мне принять сидячее положение и озабоченно спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– А как бы ты почувствовал себя, если бы в твое лицо полетели три тысячи фунтов металла? Вы бы не могли перестать разглядывать мою статную фигуру и не принесли бы вместо этого чего-нибудь выпить и покурить?

– Он чувствует себя превосходно, – перевел Хэнсон мои слова врачу. – Во всяком случае, он такой же, как и прежде.

– А что это было? – спросил я. – Землетрясение? Или кто-то меня невзлюбил?

Хэнсон сказал:

– Судя по всему, тебя кто-то крепко невзлюбил. Два человека из технического отдела изучают обломки твоей машины. Они уже высказали предположение, что к твоему зажиганию кто-то присоединил "чикагский ананас". И этот кто-то хорошо знал свое дело.

Я выпил то, что принесла мне сестра.

– Великолепно! Совершенно великолепно! И вся эта история, и подходящий налог.

Хэнсон сделал знак сестре и женщине-полицейскому, чтобы те покинули помещение.

– Кто хочет убрать тебя с пути, Джонни?

Я взял из руки врача горящую сигарету и спокойно ответил, что понятия не имею. Правда, после разговора с Мулденом, добавил я, этого можно ожидать от людей из банды Пайола. Видимо, им не понравилось, что Ивонна Сен-Жан наняла меня вызволить из камеры смертников Мулдена.

Хэнсон покачал головой.

– Чепуха! У них не хватило бы времени прикрепить бомбу! Тем более что они не слышали Мулдена.

– А откуда ты знаешь, что именно он мне рассказывал?

Хэнсон показал мне свои золотые коронки:

– А как ты думаешь, почему мы позволили тебе воспользоваться частной комнатой? Ты знаешь, что я думаю?

– Нет.

– Я думаю, что эта французская куколка пришла к тебе сегодня по хорошо разработанному плану. Мы должны думать, что тебе мешает освободить Мулдена банда Пайола. А я со своей стороны думаю, что Мулден рассказал тебе как раз то, что и должен был рассказать.

– Другими словами, я должен играть роль козла отпущения?

– Вот именно.

Сейчас, в воспоминаниях, духи Ивонны источали не такой приятный аромат.

А Хэнсон продолжал:

– Есть множество вещей, о которых Мулден нам ничего не рассказал и не расскажет, пока будет верить, что Хаммер все еще проявляет активность в его деле. Если бы ты оказался убитым, а мы бы клюнули на эту удочку, то появился бы новый материал, на основании которого можно было бы просить о пересмотре дела. Сам понимаешь, как выгодно было бы для Хаммера, если бы мы начали гоняться за каждым его конкурентом.

Его слова выглядели вполне логично. Ни Тод Хаммер, ни Ивонна Сен-Жан не учились своей тактике в институте благородных девиц.

– И что ты собираешься делать? – спросил я у Хэнсона. – Арестовать мисс Сен-Жан и прижать ее так, что она будет вынуждена заговорить?

Он не нашел это смешным.

– Нет. Мы сделаем вид, будто думаем именно так, как, по их мнению, мы должны думать. А ты будешь продолжать выполнять свое поручение и будешь пытаться выволить Мулдена из беды, стараясь доказать, что он действительно не убивал Мэй Арчер.

Я поинтересовался, какую пользу принесет моя работа полиции, и его цветущий оттенок лица сразу сменился на багрово-красный.

– Мы как раз говорили о Пайоле! – взорвался он. А потом добавил с угрозой: – Твоя проклятая лицензия поставлена на карту!

Возразить было нечем. Я выкарабкался со своей высокой кровати и только сейчас понял, почему Хэнсон попросил дам выйти из комнаты. Мой револьвер и кобура висели у меня на поясе. Рубашка и куртка висели лохмотьями, но все-таки еще кое-что прикрывали. Но от брюк и подштанников остались лишь приятные воспоминания. В таком виде я не выступал перед общественностью с тех пор, как был еще от горшка два вершка.

Я обратился к Хэнсону:

– Придется вам дать мне взаимнообразно кое-какую одежду и отвезти меня обратно в контору на какой-нибудь машине. Судя по всему, я и так уже потерял пять тысяч.

Он поинтересовался, какие расчеты привели меня к такому итогу.

Я объяснил:

– От Ивонны Сен-Жан я получил две тысячи задатка. После всего, что произошло, я задержу их у себя. С другой стороны, я потерял машину стоимостью десять тысяч долларов, за которую в любое время получил бы семь. Если от семи отнять два, то получится пять. При этом я не учел одежду стоимостью двести долларов.

Он ответил, что от моих слов у него сердце обливается кровью, а потом уговорил врача одолжить мне его запасную форму, которая как раз висела на вешалке. Я оделся и вышел на улицу, чтобы посмотреть на свою машину.

Работа была проделана первоклассно. В мостовой, где стоял мой "мерседес", зияла дыра глубиной футов в шесть. Неисковерканного металла хватило бы лишь на изготовление детской коляски. К счастью, небольшая сила удара взрывчатки была направлена вниз, в то время, как я и дверцы взлетели вверх.

Я спросил одного из экспертов, обнаружили ли они хоть какие-нибудь следы. Тот ответил:

– Пока нет. Но дежурный на стоянке видел белый тягач автомобильного клуба. Машина появилась вскоре после того, как вы остановились на этой площадке. Дежурный не обратил на нее внимания. Решил, что кто-то вызвал машину.

– А где этот тягач сейчас?

– Наши люди отправились в клуб выяснить этот вопрос.

Вокруг остатков машины уже собралась обычная в таких случаях толпа фотографов и репортеров. Я рассказал им все так, как мы договорились с Хэнсоном. Что мне поручили собрать новый материал, на основании которого адвокаты Мулдена могли бы написать прошение о пересмотре дела, что речь шла о коррупции и взяточничестве в производстве грампластинок и что они сами должны сделать выводы из всего этого.

Репортеров не удовлетворило такое объяснение. Они захотели узнать, кто именно поручил мне заняться этим вопросом. Я не стал утаивать этого. Когда с вопросами и фотографированием было закончено, я отвел в сторону Корка Аверса из "Голливуд Миррор" и спросил его, насколько хорошо он знал Мэй Арчер.

– Очень хорошо, – заверил меня Аверс. – Она была милой женщиной, Джонни. Поэтому другие парни из прессы и относятся к тебе настороженно. Из-за твоего заявления, что ты собираешься вызволить Мулдена из беды. – Он посмотрел наверх на зарешеченные окна тюрьмы. – Не найдется ни одного репортера в Лос-Анджелесе, который не пожертвовал бы годовым содержанием, чтобы иметь возможность разбить Мулдену черепушку.

– И она никогда не путалась с другими мужчинами?

– Никогда! – решительно заявил Аверс. – Она была порядочной и чистой женщиной. Должно быть, она пережила все муки ада, прежде чем умерла.

– Возможно, что и так, – согласился я. После этого я заторопился за чиновником в форме, который поджидал меня, чтобы отвезти обратно в контору.

Клиенты не ждали меня ни в коридоре, ни в приемной. Когда я вошел, Бетти сидела за книгами. Она подняла голову и улыбнулась.

– Очень мило.

– Что мило? – спросил я.

– То, что вы поступили в полицию. Значит, с этого дня у нас будет регулярное жалование. Один бог знает, как мы в этом нуждаемся. Даже если учесть те две тысячи долларов, что нам дала сегодня утром мисс Сен-Жан, и даже если мы не оплатим долг налоговому управлению, мы все равно сидим на мели. Я подсчитала все доходы за месяц и попыталась вычесть из этой суммы все наши долги. У меня ничего хорошего не получилось. Три просроченных платежа за машину. Плата за вашу дорогую квартиру, в которой вы непременно хотите жить один, хотя каждый знает, что вдвоем жить дешевле. Ваш счет за спиртные напитки. Мое скромное жалование. Все вместе на 122 доллара больше, чем мы имеем в настоящее время. Кому-то мы наверняка останемся должны.

Я прошел в свой кабинет и закрыл за собой дверь. Жизнь стала слишком сложной. Она была проще и добрее в старое время, еще до того как капитан Кук открыл острова. Никто тогда не работал за деньги. И никто этих денег не имел. В лагуне было полно рыбы. Земля давала корни колоказии, бананы и кокосовые орехи. И общественная жизнь была легче. Любвью можно было заниматься сколько угодно. И вообще вся жизнь сводилась только к тому, чтобы набить себе брюхо и танцевать на побережье. Тогда не было ни атомных, ни водородных

бомб, которые создают лишние заботы, ни машин, ни налогов, ни квартирной платы. Любовь к ближнему была правилом, а не исключением из правил. Та небольшая работа, без которой нельзя было обойтись, была женским уделом, в то время как мужчины сидели под пальмами и хвастались, кривя душой, своими любовными победами.

Глава 4

Взрыв все-таки оставил на моем теле отметины. Когда я разделся догола в ванной, я заметил, что врач кое-что залепил пластырем. Была даже и повязка. Ко всему прочему все тело мое болело, и мне было больно поднимать руки.

Я принял горячий душ. В бельеовом шкафу нашел чистые трусики и отутюженные брюки. Не успел я надеть трусы, как Бетти без стука вошла в ванную.

– Какой мужчина! – восхитилась она. – Вы знаете что, Джонни?

Я взялся за брюки.

– Что?

– Я считаю, что вы относитесь ко мне не по-джентльменски, – сказала она с вызовом. – Ведь я уже два года работаю с вами и достаточно насмотрелась скандальных историй с вашими клиентками. Это нечестно. Если уж кто-то и должен быть в Голливуде, то почему это обязательно должна быть я?

Я уже забыл, о чем шла речь.

– Что вы имеете в виду, Бетти?

– То, что начинается на букву "Д", – капризно ответила она.

– Нечего молоть впустую языком. – При этом я не удержался и погладил ее по выпуклым частям тела и подивился про себя, как это я мог до сих пор противиться ее желаниям.

Это была одна из самых миленьких девушек, которых я когда-либо имел возле себя, – с большими серо-зелеными глазами, золотистыми волосами, маленьким овальным личиком и безупречно сложенной фигуркой. Но нужно было смотреть фактам в лицо – я был занят в грязном и неприятном бизнесе.

Бетти была единственным светлым пятном в этой среде. Где-то в подсознании я отводил ей особую роль. Я надеялся, что рано или поздно мы с ней поженимся. Но брак с Бетти означал семью с детьми и с домом в приличной части города. Я считал, что для этого еще не пришло время. Я должен был быть уверен, что смогу прокормить свою семью, что изгоню из себя последние капли дикой крови. А самое главное, я хотел быть также уверен, что никогда в мой дом не постучит полицейский и не обратится к Бетти с такими словами: "Простите меня, мадам, я имею честь говорить с вдовой мистера Алоха?" Я снова погладил ее.

– Сохраните себя для меня, крошка!

– Это я уже слышала! – кислым тоном ответила она. – Порой мне начинает казаться, что я превращаюсь в нечто вроде святыни Гавайских островов! Национальной святыни! Но, черт бы меня побрал, мне кажется, что я никогда не удовольствуюсь такой ролью!

Я заправил рубашку в брюки, пристегнул кобуру с револьвером и скользнул в мою спортивную куртку.

– У нас еще есть деньги в домашней кассе?

Бетти вернулась к письменному столу и посмотрела.

– Около восьмидесяти долларов. А что?

– Мне они нужны.

Бетти строго следила за этим сокровищем.

– Для чего? – сухо спросила она.

– Чтобы взять напрокат машину.

– Почему вы не используете одну из ваших кредитных карточек?

– Судя по всему, их при мне нет.

– А почему вы не воспользуетесь деньгами из своего бумажника?

Я объяснил ей, что я потерял деньги вместе с бумажником и кредитными карточками.

– Какая небрежность! – возмутилась она, а потом подозрительно посмотрела на меня. – И потом, зачем вам напрокат машина? Ведь у вас есть десяти тысячный "мерседес"!

– В том-то все и дело! – сказал я с сокрушенным видом. – Мой бумажник взлетел на воздух вместе с моей машиной и моими брюками.

– Взлетел в воздух с машиной и брюками? – удивилась она.

Я взял у нее деньги из руки и сунул их в карман.

– Все верно. Меня кто-то пытался взорвать перед зданием полиции, прямо на стоянке для машин.

Она округлила глаза.

– Кто-то пытался вас убить?

Я направился к наружной двери и открыл ее.

– Во всяком случае, к такому выводу пришла полиция.

– Ваша роскошная машина и ваши новые брюки, – обескураженно повторила она. – А я-то посчитала, что форма полицейского – это просто для отвода глаз. – Она взяла слоника, который стоял на ее письменном столе. – Черт бы вас побрал, Джонни Алоха! Как вам не стыдно! Я работаю в конторе одного из самых занятых сыщиков Лос-Анджелеса и, по-видимому, должна слушать последние известия по радио, если хочу знать, что творится на белом свете?

Слоник пролетел всего лишь в дюйме от моей головы и пробил стеклянную дверь. Новое стекло и новая надпись золотом наверняка обойдутся недешево. Еще тридцать два доллара пятьдесят центов, черт возьми!

* * *

Взять машину напрокат не составило никакого труда. Фирма по прокату машин находилась совсем неподалеку. Гораздо сложнее было найти адрес по номеру телефона Голливуд, 2-01-55. Правда, я мог просто позвонить мисс Сен-Жан, но я хотел видеть выражение ее лица, когда неожиданно появлюсь перед ней. Напрасно пролистав телефонную книгу, я позвонил в полицию и попросил выяснить ее адрес.

Выяснилось, что это был новый дом с апартаментами, тремя улицами севернее бульвара Сансет. Дом был не только новый, но и суперэлегантный и дорогой. Нетрудно было догадаться, кто оплачивал квартиру.

Я убедился в этом, поговорив с управляющим домом. А потом я подкупил его и лифтера – каждого за пять долларов, – чтобы они позволили мне подняться без предварительной договоренности по телефону. Поднявшись, я выждал, пока лифт не начал спускаться вниз, а потом нажал кнопку двери пентхауса, расположенного на крыше здания.

Послышался мелодичный звон колокольчика, а вслед за ним – голос мисс Сен-Жан, спросившей по-французски:

– Кто там?

Поскольку мои знания французского языка позволили мне понять вопрос или по крайней мере догадаться, что он означает, я ответил:

– Это я, Джонни Алоха!

Она открыла дверь. Бедра и ноги обтягивали зеленые тренировочные брюки. Выше бедер было то, что щедро дала ей природа.

Я смутился больше, чем она.

– Прошу вас, входите, – сказала она. – И простите, что ввела вас в смущение. Но я как раз делала упражнения. Мы, танцовщицы, должны строго следить за своим весом. – Она скользнула в шелковый халат, который взяла с подлокотника кресла.

Я прошел вслед за ней через переднюю в гостиную. Она находилась несколькими ступеньками ниже, потолок держался на балках, а пол был устлан от стены до стены толстым ков-

ром. Огромный камин высился до потолка. Топка его была такой большой, что в ней могла бы уместиться вся моя комната.

Гостиная была обставлена со вкусом. За ней я увидел небольшой плавательный бассейн, оборудованный на открытой террасе.

Я прошел через гостиную на террасу. С высоты птичьего полета открылся вид на город, пригороды и океан.

– Красивая перспектива, не правда ли? – спросила Ивонна.

– Очень, – кивнул я.

Она направилась к низенькому столику, на котором стояло изрядное количество хрустальных бутылок.

– Что-нибудь выпьете?

– Спасибо, не стоит, – поблагодарил я. – После всего, что со мной произошло, у меня не было желания рисковать. Я был наслышан о Лукреции Борджия, этой средневековой кудеснице в приготовлении всяких коварных коктейлей, и почему бы всякой другой красивой женщине не воспользоваться ее опытом.

Танцовщица налила себе, но не выпила, просто держала бокал в руке.

– Вы выполнили свое обещание? Переговорили с ним?

Я ответил, что пришел к ней как раз после разговора с ним.

Мисс Сен-Жан слегка рассерженно улыбнулась.

– Почему же вы просто не позвонили мне, как я говорила? Почему пришли сами?

Значит, она ничего не знала. Или делала вид, что ничего не понимает.

Дневное солнце приятно грело мое лицо. Я даже удивился, как я мог наслаждаться солнечным теплом после того, что случилось с моим "мерседесом".

Я сел в кресло, стоящее у самого бассейна, и еще на какое-то мгновение отдался солнечным лучам, прежде чем ответить на ее вопрос. А потом с грубой откровенностью сказал:

– Во-первых, потому, что хотел вас видеть, а, во-вторых, кто-то подложил под мою машину бомбу, пока я говорил с Мулденом. Этот кто-то чуть не убил меня. Во всяком случае, старался на совесть. Я, правда, отделался синяками и царапинами, но от моей машины осталось металла на пепельницу.

Бокал выпал из ее руки и разбился о каменные плиты террасы.

– Не может этого быть!

Ее изумление и страх, казалось, были искренними. Если же это была игра, то она сыграла лучше, чем когда выступала в своем стриптизе. Как говорится, в сомнительных случаях дело решается в пользу обвиняемого. Возможно, что Том Хэнсон и ошибался. Возможно, она и Тод Хаммер не имели никакого отношения к этому делу.

– Где это случилось? – глухо поинтересовалась она. – И кто вас пытался убить?

Я ответил вполне откровенно:

– Не имею ни малейшего понятия. Я думал, вы сможете об этом рассказать... Кто знал, что вы сегодня собирались ко мне?

Она ненадолго задумалась.

– Никто. – Потом уточнила: – Никто, кроме Тода.

– Но сегодня утром вы мне сказали, что это была ваша идея!

Когда она вновь наполнила себе бокал, рука ее заметно дрожала.

– Все верно. Но я сказала Тоду о своих намерениях. И он дал мне деньги для вас.

Я сделал еще одну попытку внести ясность.

– За вами кто-нибудь следовал, когда вы ехали ко мне в бюро?

Она покачала головой.

– Нет... Во всяком случае, я не знаю. Но... – она замолчала.

– Продолжайте, – потребовал я.

– В последнее время я часто ловила себя на ощущении, будто за мной кто-то следит. Она не обратила внимания, что, когда села на скамеечку рядом с моим креслом, ее халат соскользнул с плеч.

– Что вам сказал Томми? – спросила она.

– То же самое, что сказали и вы в моем бюро. Что он не убивал Мэй Арчер.

Она с гордостью улыбнулась.

– Вот видите!

Я объяснил ей, что если человек и отрицает свою вину, то это еще не значит, что так оно и есть.

Но мои слова, казалось, не произвели на нее никакого впечатления.

– И все же после разговора с Томми, вы должны понять, что он невиновен. Пожалуй, мужчину он еще способен убить. Но женщину – никогда!

– Почему вы так решили?

– Просто знаю, – упорствовала она.

Я задумался. Во время нашей короткой встречи Мулден упоминал о старых временах. Из чего можно было заключить о более тесной связи между ним и Ивонной. Вероятно, Томми-Тигр многим представительницам женского пола дал хороший повод не забывать о нем. Я почувствовал искушение вызвать в Ивонне ревность, рассказав ей, с каким чувством говорил он о Мэй Арчер.

Но я переборол себя и решил придерживаться указаний Тома Хэнсона.

– Предположим, – сказал я, – что вы правы. И все, что он рассказал мне, соответствует истине. Тогда выходит: убийца убил Мэй Арчер только для того, чтобы навлечь беду на Тода Хаммера.

Она кивнула.

– Возможно, вполне возможно. Есть люди, которые делают все, чтобы навредить Тоду. – Помолчав, она нерешительно спросила: – Томми ничего не просил мне передать?

Мне так хотелось, чтобы она поплотнее запахла своей одеждой или, по крайней мере, не нагибалась бы так низко. Я уже уставал делать вид, что не вижу того, чего нельзя было не видеть.

– Просил, – ответил я, с трудом отводя от нее глаза. – Кажется, он уже примирился со смертью. И он просил передать вам благодарность за старые времена. Он сказал, что вы поймете, что он имеет в виду.

Такой реакции на мои слова я не ожидал – ее глаза внезапно наполнились слезами, и она даже не пыталась смахнуть их.

– Я очень вам благодарна, мистер Алоха. Да, я знаю, о чем он хотел сказать. Но вы не должны бросать это дело. Сделайте все, что в ваших силах. Он не должен умереть! Поймите это!

Я приступил к выполнению второй части плана, разработанного Томом Хэнсоном, с тем чтобы втянуть в дело Тода Хаммера. Я прикинулся огорченным и стал уверять ее, что вызволить Мулдена будет очень трудно. Но я, конечно, могу ее понять, и что мне очень жаль, но если учесть положение Мулдена и тот факт, что на меня сразу после разговора с ним произведено покушение, то мне лучше отказаться от этого дела.

Она тут же спросила меня, не влияют ли на мое решение денежные соображения.

Я заверил ее, что дело не в деньгах. Две тысячи долларов задатка и три тысячи еще – вполне приличная сумма.

– Так в чем же тогда дело?

Я попытался ей растолковать.

– Ведь за деньги все-таки не все можно купить.

Она на мгновение задумалась, провела кончиком языка по ярким сочным губам и поднялась. При этом халат полностью соскользнул с нее и упал рядом с моим креслом на пол.

– Возможно, кое-что другое обрадует вас больше, чем деньги. И, возможно, я смогу вас отблагодарить чем-то более приятным, что заставит вас позабыть о том риске, какому вы подвергнетесь в поисках доказательств невиновности Томми?

Уж ей-то было что предложить! Она слегка улыбнулась мне.

– Например, что вы скажете о хорошеньких девушках? Вы любите хорошеньких девочек?

– Я – мужчина, – довольно глупо ответил я.

– А я – хорошенькая девочка. – Она могла этого и не говорить – это было и так ясно. Потом она покрутилась передо мной, чтобы я мог ее разглядеть. – Я вам нравлюсь?

Меня бросило в пот.

– Нравится. Даже очень.

Она села ко мне на колени и обвила мою шею руками. Потом коснулась губами моих губ и прошептала:

– А что, если я повышу гонорар? Что, если предложу себя в качестве части гонорара? – Она взглянула на свои часы, украшенные бриллиантами. – И если я внесу свой первый взнос прямо сейчас?

– Где? – выдохнул я ей прямо в губы.

– Здесь. На одном из диванов. Или у меня в спальне. Где хочешь, мой дорогой.

Это было самое лучшее предложение, какое я когда-либо получал. Я понял, что она говорит серьезно, лишь бы я продолжал работать над этим делом.

Но, видимо, я еще не пришел в себя от пережитого сегодня шока – вместо того чтобы возбудиться, меня вдруг стала угнетать мысль, что я могу овладеть ею прямо сейчас. Я всегда задавал себе вопрос, почему большинство хорошеньких женщин считает, что достаточно им принять соответствующую позу, чтобы получить от мужчины все, чего они пожелают? Хотя, к сожалению, это так и есть. Я поддержал ее игру.

– А если нас застанет Тод?

Она снова посмотрела на часы и поцеловала меня. Но поцелуй был неискренний.

– Не застанет, – уверила она меня, глубоко вздохнув. – Он придет только через час. Прошу тебя...

Я отстранил ее рукой и поднялся.

– Прошу меня простить, малютка. В конце концов, как красиво говорится во многих фильмах, все женщины одинаковы. А с той женщиной, ради которой я рискнул бы умереть, я должен вначале поближе познакомиться.

Гнев окрасил ее лицо румянцем. В первое мгновение я даже подумал, что она собирается меня ударить. Но она лишь схватила халат с пола, закуталась в него и, упав на кушетку, расплакалась.

Так как я не смог ничего придумать, то сунул себе в рот сигарету. Послышался стук открываемой входной двери, я медленно обернулся.

Вошел Тод Хаммер. Его сопровождали два телохранителя. Они прошли через переднюю, гостиную и вышли на террасу.

– Вы кто? – жестко поинтересовался Хаммер. – Что вам здесь нужно? И что вы сделали с Ивонной?

Я мысленно возблагодарил бога за чудесное спасение. Если бы я пошел на поводу у этой куколочки, то бывший босс гангстерской банды, а ныне почтенный бизнесмен застал бы нас за таким занятием, за которое он рассчитался бы со мной сполна.

Нельзя сказать, чтобы я боялся Хаммера. Это был седовласый коренастый человек лет пятидесяти пяти. И он уже давно не носил при себе оружия, чего, правда, нельзя было сказать о

двух молодцах, стоявших справа и слева от него. Им как раз и платили за то, чтобы они носили при себе оружие и пользовались им, когда надо.

Я еще никогда не видел человека более разъяренного. Несмотря на то что он был главой крупной фирмы грампластинок, голос его звучал сухо и немзыкально:

– Я вас спросил: кто вы такой? Что вам здесь нужно? И что вы сделали с Ивонной?

Пока я раздумывал над ответом, чтобы как-то успокоить его, он обратился к одному из своих телохранителей:

– Быстро! Сделайте что-нибудь! Не стойте как пни! Избейте его, пристрелите или сделайте вообще что-нибудь!

Одного из парней я, кажется, где-то встречал. Или в баре, или просто на бульваре. Но важнее оказалось то, что он знал меня.

Он покачал головой.

– Лучше не надо.

– Почему? – рявкнул Хаммер.

Парень объяснил:

– Потому что я знаю этого громилу. Это – Джонни Алоха. Если я лишь намекну ему, что собираюсь напасть на него, то и он не останется в долгу.

Глава 5

Проблему решила Ивонна. Она уселась на кушетке и вытерла глаза бахромой своего халата.

– Не дури, Тод. И не будь глупцом. Это – мистер Алоха. Ты сам мне дал сегодня утром две тысячи, чтобы он попытался доказать, что Томми не убивал Мэй Арчер.

Как и многие другие мужчины, сексуальная жизнь которых приближается к концу и которые обладают миленькой женщиной, с какой они связывают свои последние мечты, Тод Хаммер находился сейчас, так сказать, на улице с односторонним движением.

– Он не был груб по отношению к тебе? Он не пытался...

– Нет. – К Ивонне вернулось самообладание и она солгала: – Мистер Алоха вел себя как настоящий джентльмен. Он пришел сюда только за тем, чтобы сказать мне, что Томми почти невозможно помочь.

Хаммер недоверчиво посмотрел на нее.

– А почему ты плачешь? И что было между тобой и Мулденом?

Теперь пришел мой черед:

– Прекратите, Хаммер! За свою жизнь я повидал много людей с грязными мыслями, но вы побили все рекорды. Разумеется, мисс Сен-Жан плачет. Я ей сказал, что песенка Мулдена спета. Ему не избежать газовой камеры. А ведь именно вас кто-то ненавидит до такой степени, что решается убить девчонку только для того, чтобы свалить вину на одного из ваших людей и доставить вам неприятности. Представляю, что бы он сделал непосредственно с вами!

Теперь Хаммер подумал, что Ивонна плачет из-за него, и он даже заблестел от самодовольства. Он присел к ней на кушетку и обнял.

– Ты боялась за меня, крошка? – Он поцеловал ее и оглянулся через плечо. – Простите меня, Алоха. Разумеется, я хотел бы, чтобы вы не прекращали этого дела.

Я покачал головой.

Парень, который отказался расправиться со мной, злобный молодой человек по имени Вирджил Холлис, резко спросил:

– В чем дело, Алоха? Я слышал, вы жесткий парень. Вы что, боитесь, что вас немножко помнут?

– Потасовок я не боюсь. Но вот полеты в воздух меня не устраивают.

Хаммер и его телохранители удивленно переглянулись.

Ивонна объяснила:

– Пока мистер Алоха говорил в тюрьме с Томми, кто-то прикрепил к зажиганию его машины бомбу и попытался его убить. Машина разлетелась на кусочки.

Если Хаммер сейчас разыгрывал комедию, то это ему удалось не хуже, чем ей. Его лицо даже приняло болезненно-желтоватый оттенок.

– Кто-то подложил в машину бомбу? Не может быть!

Я взглянул на часы. Без двух минут три. Одна из станций каждый час начинала с последних известий. Я напомнил им об этом, и другой телохранитель, который стоял рядом с Вирджилом, взял со столика у бассейна транзистор и включил его.

Мои часы отставали на три минуты. Диктор уже сообщил о происшедшем:

"...полиция нашла тягач автоклуба, который видели, когда он заехал на стоянку для машин и остановился рядом с машиной мистера Алоха. Это было незадолго до того, как машина упомянутого мистера Алоха была разнесена взрывом. Проверка полицейских протоколов показала, что тягач был угнан. Водитель находится вне всяких подозрений. В настоящее время установлено только то, что это работа специалиста.

Мистеру Алоха фирма Тода Хаммера поручила собрать доказательства, на основании которых адвокаты Мулдена могли бы потребовать пересмотра дела..." Диктор продолжал говорить, но Хаммер больше не слушал.

– Выключи радио, Сэм, – сказал он парню, имени которого я еще не знал. – Судя по всему, я должен дважды извиниться перед мистером Алоха.

Потом он осведомился, не ранен ли я. Я сознался, что получил ссадины и синяки, но ни одна из ссадин не является настолько серьезной, чтобы мне нельзя было бы пить бурбон. И в доказательство этого я налил себе что-то крепкое из хрустального графина, что уже ранее предлагала мне маленькая французенка.

Я отпил глоток.

– После такого напитка почувствуешь себя настоящим Икаром.

Сэм поинтересовался, кто такой Икар. Я снисходительно объяснил ему:

– Был такой греческий мальчик, который приклеил себе воском крылья и чересчур близко подлетел к солнцу.

– Должно быть, я проглядел какую-то интересную статью в газете, – неловко извинился Сэм. Потом посмотрел на Тода: – Ты думаешь...

Хаммер кивнул.

– Да, я думаю, что это дело банды макаронников. Мы все знаем, что они хотят расправиться со мной.

Да, человек этот был прожженным и ловким дельцом. Простой человек не может построить на крыше дорогого особняка золоченую клетку для своей декоративной пташки, да еще завезенной из Франции, и иметь двухместный "кадиллак-эльдорадо". Такое может себе позволить только тот, у кого дела идут хорошо. У Хаммера дела шли хорошо.

– А неплохой план они себе наметили, – продолжал он. – Они разнюхали, что Алоха работает на меня, и попытались его убить. А полиция должна при этом подумать, что это сделали мы.

Ивонна удивленно спросила:

– Но почему, Тод? Почему полиция должна подумать такое?

– Потому что самый лучший способ добиться пересмотра дела Мулдена – это убить человека, который собирается доказать невиновность осужденного.

Ивонна все еще не понимала и попросила объяснить.

Тод пояснил:

– Полиция знает, что Мулден работал на меня. Судя по всему, они придут к выводу, что он знает больше, чем рассказал, и будет молчать, поскольку уверен, что я так дело не брошу. Кроме того, полиция знает, что в прошлом я не был особенно щепетилен в вопросах бизнеса. Поэтому они придут к выводу, что именно я попытался пожертвовать мистером Алоха, чтобы вызвать сомнения в виновности Мулдена.

Почти это же сказал мне и Хэнсон.

И если Хаммер сейчас говорил правду, то все надежды Хэнсона лопались как мыльный пузырь.

Хаммер вопросительно посмотрел на меня:

– Полиция меня подозревает, не так ли?

Я ответил ему уклончиво:

– Откуда мне знать?

– А вы сами?

Мой ответ можно было понять, как угодно.

– Вы же видите, что я здесь.

– Но вы хотите вернуть задаток и отказаться от дела?

Уж чего-чего, а задаток я никак не хотел отдавать. Мои отношения с налоговым агентством можно было уладить только с помощью денег. Я попытался выиграть время.

– Откровенно говоря, если не считать войны в Корее, то против меня впервые применили взрывчатку. И мне это не особенно понравилось. Но что это за банда макаронников, о которой вы упомянули?

Хаммер возбужденно ответил:

– Сборище грязных мошенников. Большинство из них связано с мафией. Они работают с "Пайолой", чтобы проникнуть в грампластиночный бизнес. В наше время любого, кто хоть немного пищит, крихтит или умеет бить по струнам не промахиваясь, записывают на пластинки. Поэтому дело это превратилось в большой бизнес. Я успел хорошо заработать в свое время, но если меня уберут, значит, для мальчиков, которые хотят проникнуть в бизнес, будет на одного конкурента меньше.

– Вы упомянули "Пайолу". Вы не могли бы поподробнее рассказать об этом?

– Конечно, могу.

Но для меня это было уже неважно. Я теперь знал, где должен нажать рычаг.

Хаммер продолжал.

– Кроме того, это не имеет ничего общего с делом, вернее, не повлияет на исход дела. Я только хотел бы знать, поверили ли вы словам Мулдена, что он не убивал женщину, и хотел бы знать, за нас вы или против нас.

Бурбон был совсем неплохой. Я снова наполнил рюмку.

– Что касается вашего первого вопроса, – сказал я, – то после вашего рассказа я сомневаюсь в его вине. Что касается второго вопроса – то мне тут помогал сам ангел-хранитель – дело в том, что я пообещал Хэнсону, что бы ни случилось, не отказываться от поручения и тем самым обеспечить полиции ухо и глаз в лагере Хаммера. – Но в моих интересах сделать вид, что уговорить меня на это чрезвычайно трудно. Поэтому я продолжал: – А что касается вопроса, за вас я или против, то тут от частного детектива всегда ожидается, что он на стороне того, чьи деньги он взял. Но до сих пор бизнес мой нельзя назвать бизнесом. Несмотря на две тысячи, которые я получил сегодня утром от мисс Сен-Жан, у меня все равно убыток в пять тысяч долларов.

– Как это вы вычислили?

– Я имел в виду историю с моей машиной.

– Да, да, разумеется, – согласился мистер Хаммер. – Ну, хорошо. Сколько вам обещала Ивонна?

– Две тысячи задатка. И еще три, если мне удастся освободить Мулдена.

– Я даю десять, – сказал Хаммер и, вытащив бумажник, отсчитал еще шесть ассигнаций. – Итого, пять тысяч аванса. И еще пять тысяч, если вам удастся раздобыть вещественные доказательства, чтобы начать новый процесс.

Бурбон показался мне еще более чудесным, чем до этого. Если я сохраню эти деньги, которые дал мне сейчас Хаммер, и присоединю к ним две бумажки, которые лежат на сохранении у Бетти, то я смогу рассчитаться с налоговым агентством. Может быть, у меня даже останется на кусок яблочного пирога и чашку кофе.

Хаммер подсластил еще больше мой будущий кофе:

– Кроме того, я возьму утерянную вами машину. Кстати, какой она была марки?

– Совершенно новый "мерседес-300СЛ" за десять тысяч долларов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.